

Вопреки ожиданиям всех присутствующих, когда Су И вернулся на лодку, сел рядом с Чжун Мином и выслушал признание Лю Шуньшуя, его лицо оставалось на редкость спокойным. Он уже ушёл из того дома, и за эти дни, следуя за Чжун Мином в бесконечных заботах, глядя, как медяков в денежном кувшине день ото дня становятся всё больше, он редко вспоминал о том, как его третировал Лу Юй, изводила Лю Ланьцао, это всё казалось таким далёким, словно из прошлой жизни.

Ещё в тот день, когда он покинул лодку семьи Лу, решительно ответив на беспочвенные обвинения Лу Юя и видя, как тот бесился, но ничего не мог поделать, Су И уже выдохнул всю затаённую злость. Для Лу Юя самым тяжёлым ударом было вовсе не то, что он оскорблял или давил на Су И, а то, что Чжун Мин никогда им и не интересовался, и всё происшедшее оставалось лишь его собственной одержимой фантазией.

Теперь же просто открылась ещё одна ниточка в этой путанице: если бы не слепая болтовня Лю Шуньшуя, Лу Юй, возможно, и не возомнил бы так уж уверенно, а чем сильнее он был уверен, тем громче выставил себя на посмешище.

В конце концов, всё это дело минувшее. В дальнейшем, вспоминая Лю Шуньшуя, Су И, пожалуй, будет хранить некоторую неприязнь, но говорить о настоящей ненависти не приходилось. По сравнению с унижениями и тяготами, что он терпел долгие годы, эта маленькая интрига Лю Шуньшуя была словно укус комара: досадно, но вовсе не больно.

Теперь он ясно выразил свою позицию: дело можно считать закрытым, но если впредь всплывут какие-либо слухи, связанные с этой историей, Лю Шуньшуй обязан будет сам выйти и всё разъяснить.

- Моя тётка, когда разозлится, бывает, что совсем теряет меру, — сказал Су И, — а теперь я уже человек из семьи Чжун и не хочу, чтобы нас снова втягивали в лишние пересуды с Лу. Сейчас у Лю Ланьцао и без того испорчена репутация в деревне, брак Лу Юя вряд ли пройдёт гладко. Если она от злости начнёт нести всякую чепуху, переворачивая всё с ног на голову, это будет лишь грязь на ровном месте.

Лю Шуньшуй растерянно молчал, не зная, что ответить, зато Лю Шуньфэн первым решительно согласился:

- Будь спокоен. Я и за А-Шуя возьму ответственность: если кто осмелится пустить по этому поводу сплетни, мы с братом будем первыми, кто встанет против, даже если это окажется родня.

Су И перевёл взгляд на Чжун Мина, тот слегка кивнул, давая понять, что словам Лю Шуньфэна можно верить. Тогда он поднялся, вежливо улыбнувшись, и сказал:

- Дальше вы обсуждайте между собой, а я пойду к очагу, посмотрю, как там огонь.

О том, что происходило после разговора в каюте, Су И уже не знал. Подойдя к очагу, он увидел, что огонь Чжун Мин давно погасил, но отвар внутри ещё оставался горячим из-за остаточного тепла. Делать было нечего: корзинку с нитками и иголками он оставил в каюте, поэтому взял старый деревянный гребень и вместе с Чжун Ханем принялся вычёсывать Додо.

Кот весь день бегал по улице, и в его шерсти застряло немало песка. С каждой прядью, по которой проходили зубья гребня, набирались целые комки шерсти. Чтобы ветер не занёс их обратно в лодку, Су И скатывал их в шарики. Неожиданно Додо сам заинтересовался этим «мячиком», понюхал и, получив его, стал забавно подталкивать лапами.

Он с Чжун Ханем увлеклись наблюдением, даже не заметили, когда братья из семьи Лю ушли. Раздался скрип - с той стороны, где был вход в носовую каюту, открылась дверь. Чжун Мин, пригнувшись, вышел наружу, окинул взглядом лекарственный горшочек и спросил:

— Лекарство выпил?

— Ещё нет, — ответил Су И. — Только что было слишком горячим.

С этими словами он протянул руку, коснулся чаши и добавил:

— Сейчас как раз в самый раз.

Су И поднял чашку, лицо его стало серьёзным. Когда он пил, затаил дыхание, боясь, что если остановится хоть на миг, то уже не найдёт в себе мужества продолжить: отвар был невыносимо горьким, на дне ещё осело немного жмыха. Проглотив залпом, он только и почувствовал, как язык онемел от этой горечи.

Су И сморщил нос и рот, завертел головой в поисках воды, и вдруг губы его коснулись чего-то прохладного. Он машинально открыл рот, и на кончике языка разлилась густая сладость. Эта сладость была совсем не такая, как у сушёных мандаринов — другая, непривычная. Глаза молодого гера невольно распахнулись чуть шире, в них мелькнуло неподдельное удивление.

Чжун Мин усмехнулся:

— Это каменный сахар, что сегодня принесли те братья. Я отколол два маленьких кусочка, один отдал Сяо Цзаю, другой — тебе.

Он наклонился ближе и спросил:

— Сладко?

Су И, держа во рту сахар, мягко улыбнулся, будто просиял от этой сладости. Горечь отвара

исчезла без следа.

— Сладко. Сразу пропала горечь.

После короткой паузы он поднял взгляд и спросил:

— А ты сам не попробовал?

Чжун Мин улыбнулся краешком губ:

— Я ведь мужчина, мне ли за сладким тянуться.

В детстве он тоже любил всякие сладости, бывало, выпрашивал у родителей на ярмарке леденец или сахарное яблоко. Но когда вырос, давно перестал об этом думать: мужчине в его годы признаться, что любишь сладкое, будто стыд и посмешище. Скажи лучше, что любишь мясо да вино, тогда и слова поперёк не скажут.

Затем он рассказал Су И:

— А ещё Шуньфэн и Шуньшуй хотят через Чжань Цзю ларёк в деревне выпросить. Серебро приготовили. Я, как они на порог ступили, сразу догадался, что дело в этом, только не думал, что прежде чем они к сути дойдут, вывалят на меня такую историю.

При воспоминании о признании Лю Шуньшуя Чжун Мин всё ещё ощущал неприятный осадок.

— Ладно уж, — продолжил он, — с ларьком-то всё просто: в конце концов мы лишь помогаем Чжань Цзю подзаработать. Мы получим людское расположение в деревне, он себе мелкую выгоду. Я их не стал ни в чём затруднять, но и слова окончательного не дал: сказал, что как придёт время, пусть сами в деревне встретятся с посредником и тогда всё обсудим.

Су И кивнул, он и сам подумал, что так лучше всего.

— Пустяковая ведь вещь, — тихо сказал Су И. — Не стоит из-за неё рвать отношения. Деревня-то маленькая, на море рано или поздно встретишься, а в море без взаимной помощи никак.

Он понимал: для людей воды выйти в море значит играть с судьбой. Неписанный закон гласил — не множь врагов. Если случится беда, а рядом окажется затаивший обиду человек, тот лишь отвернётся, вернувшись домой скажет: «Не видел», — и никому ты не докажешь обратного.

Из-за того, что он вышел замуж за Чжун Мина, семья Чжун почти не общалась с семьями Су и Лу, и Су И вовсе не хотел множить обиды дальше.

— По крайней мере, — продолжил он, — они нашли в себе смелость сами прийти с извинениями. А мы... мы и считай, будто посмотрели со стороны, как Лу Юй сам себя в глупое положение поставил.

Чжун Мин слушал его и крепко сжал ладонь супруга:

— Это была последняя обида, что досталась тебе от Лу. С этого дня я обещаю, больше ни одной не допущу. И если когда-нибудь я сам оступлюсь, нагрублю или забудусь, ты не медли, иди ко второй тете или третьему дяде, жалуйся им. Пусть они меня вразумят, как положено.

У Су И всё ещё таял во рту кусочек каменного сахара. Сладость проникала до самого сердца. И он думал лишь об одном: разве может тот, кто первым делом делится с супругом даже крошкой сладости, обидеть его?

Но после внезапной речи Чжун Мина у Су И поднялась такая волна чувств, что он попросту не знал, как выразить их словами, и в конце концов лишь безмолвно склонился к плечу сидевшего рядом мужа.

Чжун Мин скосил на него глаза, уголки губ слегка приподнялись, он тут же обнял его за спину. Так они, прижавшись друг к другу, молча сидели и смотрели на луну.

.....

Все двенадцать расчерченных мест под ларьки на Южной и Северной улицах разошлись в аренду. Кроме места семьи Чжун Мина оставалось одиннадцать; один большой прилавок из-за отсутствия желающих разделили на два, так что в сумме всё равно набралось двенадцать. Через руки Чжань Цзю прошла сумма в шестьдесят лян, а у него самого в остатке оказалось десять.

К тому же дело прошло столь гладко, что вскоре к нему начали обращаться и за прочими поручениями — подсуетиться, найти ходы, уладить за плату. За месяц с небольшим в его карманах уже оказалось тридцать лян - сумма, которой хватило бы семье на целый год еды и питья.

Теперь Чжань Цзю окончательно понял: стоит только включить голову, и окажется, что повсюду есть дороги к серебру. Есть связи, значит, все пути открыты. Жаль только, что прежде он знал лишь как бездумно шататься да пить, замутил себе мозги, упустил столько времени зря.

Он был благодарен Чжун Мину за самый первый совет и пригласил его поехать в уезде в ресторане «Бафанг» неподалеку, и Су И пошёл вместе.

Едва они вошли в двери, как к ним подскочил услужливый работник и, узнав Су И, сразу

спросил:

— Гер, вы привезли соус из креветок? Но ведь ещё не срок!

Ресторан «Бафанг» теперь тоже заказывал у Су И соус, как и «Сихай» — по четыре кувшина в месяц.

Шедший впереди Чжань Цзю, как хозяин приглашения, вовремя вставил слово:

— Я позвал брата и невестку пообедать. Нам бы у окна, в «яцзо»*.

(ПП: Обозначает небольшую, изысканную и комфортабельную комнату в общественном месте.)

Работник тотчас сменил тон:

— Ай, простите за неуважение!

И, взмахнув полотенцем с шеи, заулыбался:

— Прошу уважаемых гостей, проходите!

Су И, слегка стесняясь, держался вплотную за Чжун Мином. В это заведение они ходили теперь часто, но лишь чтобы сдавать товар; за столом он здесь ни разу не сидел, тем более не заходил в глубь зала и уж точно не видел, что такое «яцзо».

Дойдя до места, он понял, что «яцзо» — это просто стол, отделённый ширмами от общего зала, а с другой стороны выходящий к окну; оттуда тянул лёгкий ветерок, и сидеть было совсем не жарко. На столе стояла посуда из фарфора с узорами, выглядела она изысканно и нарядно.

Когда все уселись, Чжань Цзю велел официанту перечислить блюда. Сначала он поинтересовался у Чжун Мина и Су И, чего бы им хотелось, но те, разумеется, отдали выбор ему. Узнав, что особых запретов нет, он заказал сразу четыре мясных блюда — холодные свиные уши, курицу «байцэ», тушёные рёбрышки и суп с куриными фрикадельками, а из овощного — тофу с ароматными грибами. Подумав, что за столом есть ещё и гер, он добавил сладкое блюдо — жареные брусочки таро в сахарной глазури.

Узнав, что Чжун Мин обедает у них, управляющий Инь сам прислал к их столу кувшин хорошего чая и две маленькие холодные закуски.

Для Чжун Мина трапеза в ресторане не была в новинку: раньше, когда он тратил деньги без удержу, едва ли не вся выручка от рыбы уходила на угощения и выпивку в таких заведениях;

блюда из знаменитых «Бафанга» и «Сихая» он пробовал все, а в новогодние праздники даже приводил сюда вторую тётю с семьёй и младшего брата.

Сегодня, заметив в глазах Су И скрытое, но явственное любопытство, Чжун Мин вдруг вспомнил, что после свадьбы, в бесконечной круговерти дел, он ни разу не сводил супруга поесть в ресторан. Осознание этого вызвало в нём лёгкое чувство вины, и он поспешил чаще подкладывать ему угощений, ведь Су И, сидя за одним столом с Чжань Цзю, и сам бы едва ли решился потянуться к блюдам: если уж и решался, то выбирал лишь холодные закуски да овощное.

Когда же все блюда оказались на столе и Чжун Мин принялся выпивать с Чжань Цзю. Су И наконец немного расслабился и, уткнувшись в свою чашку, начал есть то, что муж подложил ему в тарелку; каждое блюдо казалось необычайно вкусным. Заметив, что Чжун Мин больше пьёт, чем ест, он сам стал заботливо подкладывать ему еду и наливать суп.

Чжань Цзю, как и прежде, с вином не дружил: стоило пропустить несколько чарок жёлтого вина, лицо его сразу запылало. Чжун Мин слушал его сбивчивые речи и улавливал суть: тот, имея теперь на руках серебро, жаждал пустить его в оборот, завести собственное дело, но не знал, за что взяться, а больше всего опасался, что, оступившись, мигом всё потеряет.

— Тридцать лян как капитал немного, но и не так уж мало, — сказал Чжун Мин, — начни с малого, спокойного дела, не гонись за разом сорвать большой куш. Пусть оно копится понемногу.

Он дал Чжань Цзю совет:

— Ты ведь не раз говорил, что не хочешь всю жизнь крутиться в Цинпу, а как выпадет возможность хочешь выйти в большой свет, пройтись по югу и северу. Раз так, отчего не попробовать себя в торговле на дорогах?

Чжань Цзю при этих словах остолбенел, потом, опомнившись, с растерянностью выдохнул:

— Да разве я смогу?

Подумав ещё, покачал головой:

— Нет, не выйдет. На что хватит тридцать лян? Чтобы стать странствующим торговцем, три сотни надо иметь.

Чжун Мин снова налил ему вина и спокойно возразил:

— Вот потому я и говорю: не гонись сразу за крупным кушем. Хочешь идти с юга на север — это правда, на меньше чем три сотни лян и думать нечего: иначе закупленного товара не

хватит даже оправдать дорогу. Но если начать прямо с уезда Цзююэ? Разве мало тех, кто скупает у крестьян товар, а потом сбывает в город? Цзююэ — большой уезд, под ним не один город, а под городами десятки деревень. Дорог предостаточно.

— Вот возьми хотя бы куриные яйца, — рассуждал Чжун Мин. — Подумай, сколько людей живёт в Цинпу и сколько яиц съедается за день. В городе кур держат мало, а сколько там кабаков, да больших дворов? А мы, люди воды, сами кур или уток держать не можем, но яйца всё равно должны есть. Так откуда они берутся? Все идут от деревенских. На чём зарабатывает странствующий торговец? Да ведь на том простом, что здесь есть, а там нет; тут мало, а там много. Он бегаёт туда-сюда между местами, и в этом вся прибыль.

Чжань Цзю постепенно начал внимать, выражение лица стало задумчивым.

Чжун Мин говорил, что приходило в голову, и сразу же останавливался: этот путь он ведь сам не проходил. Только опыт двух жизней, сложенный вместе, позволял ему смотреть шире, чем этот паренек, что с детства вертелся лишь в Цинпу.

Почему же он сам, имея такую мысль, не пускался в торговлю? Всё потому, что для него куда легче было добывать живность в море, да и людям воды в купцы не пробиться: они считались низшими, им и за пределы уезда Цзююэ дороги не было, ведь ямен и не подумает выдать им проезжую грамоту.

Теперь же, подсказав идею Чжань Цзю, он думал: если у того выйдет и дело пойдёт в рост, в будущем он сам сможет вложиться, составить компанию и получать часть барышей.

— Но одну вещь ты запомни крепко, — предупредил он. — Что бы дальше ни подвернулось, одно трогать нельзя — торговлю жемчугом. Эти тайно добытые казённые жемчуга ни за что нельзя брать в руки. Знай, кто станет сватать тебя к такому «заработку», хочет тебя сгубить.